ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ВСѢХЪ КОРОНАЦІЙ

ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ

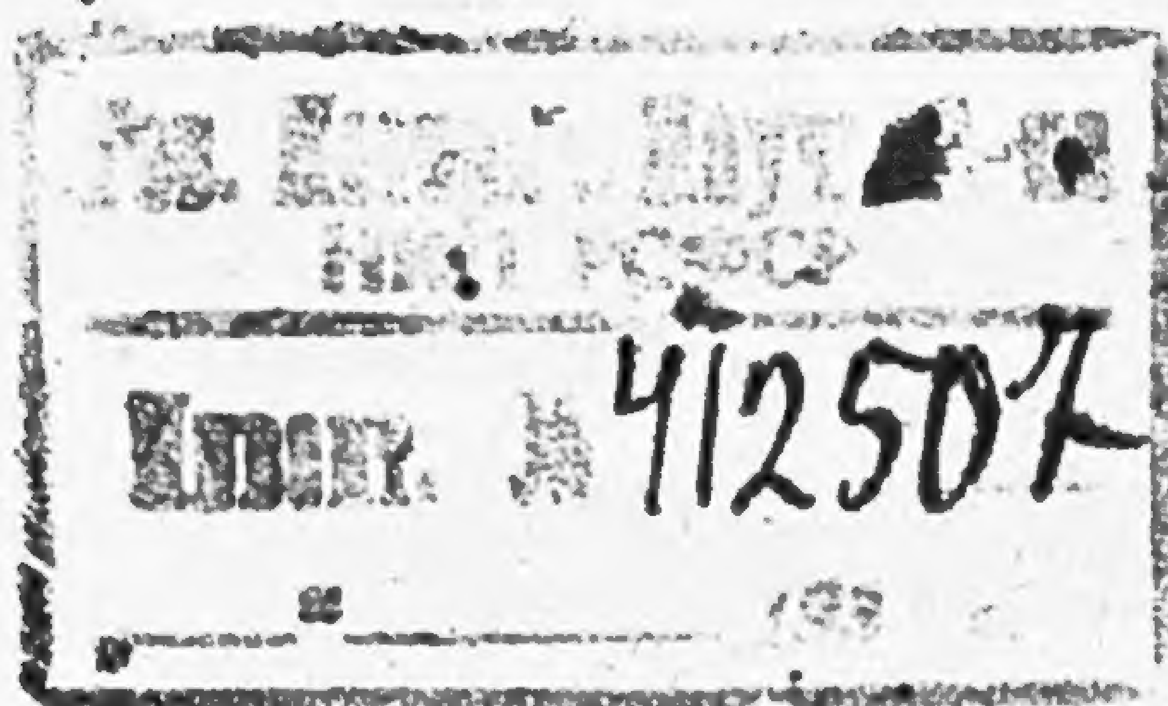
И

ЦАРЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

СОСТАВЛЕНО

ПО ДОСТОВѢРНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

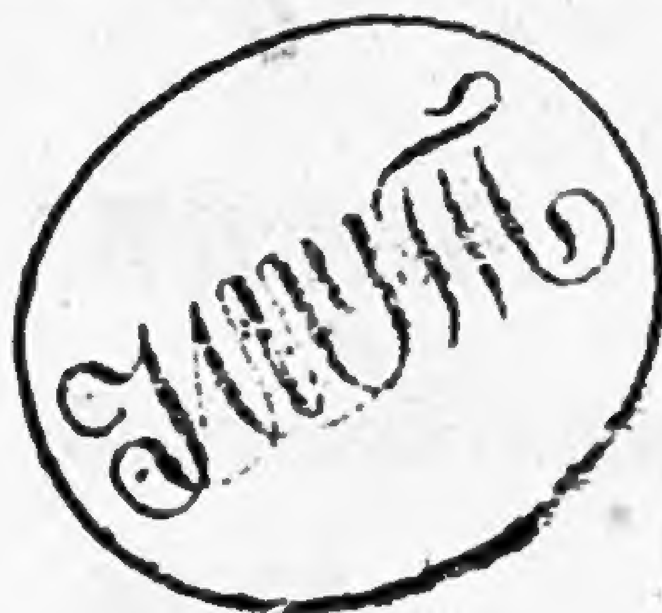
МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюля 21-го дня, 1856 года.

Ценсоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

I.

ПАСТЫРСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНІЕ

при

ВОСШЕСТВІИ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ НА ПРЕСТОЛЪ

и

КОРОНОВАНІЕ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА МОНОМАХА.

Восшествіе Государей Россійскихъ на престолъ съ самаго введенія у насъ христіанской вѣры соединено было съ обрядами священными. Лѣтописи упоминаютъ, что митрополитъ торжественно благословилъ Георгія Долгорукаго властвовать надъ южною Россіею, и что Кіевляне и Новгородцы сажали князей своихъ на престолъ въ Софійскихъ храмахъ. Поэтому видно, что искони духовные Россійскіе пастыри благословляли всѣхъ Государей Россійскихъ при восшествіи ихъ на престолъ, и священный обрядъ сего благословенія на княженіе совершали въ церкви.

Но какъ совершался обрядъ этотъ, мы не встрѣчаемъ объ этомъ никакихъ подробностей въ лѣтописяхъ. — Первое же извѣстіе о *вѣнчаніи на царство* есть сказаніе лѣтописцевъ о царскомъ вѣнчаніи Великаго Князя Кіевскаго Владиміра Мономаха, княжившаго съ 1113 года по 1125 годъ. Онъ былъ вѣнчанъ на царство не при восшествіи на престолъ, но уже гораздо позднѣе, когда успѣхи оружія его пронесли объ немъ славу на Востокѣ и Западѣ. Лѣтописцы пишутъ, что въ то время Греческій Императоръ Алексѣй Комнинъ, страшась оружія Владиміpова, прислалъ въ Кіевъ дары ему: «Крестъ изъ Животворящаго Древа, «чашу сердоликовую Августа Цесаря, вѣнецъ, златую «цѣпь и бармы Константина Мономаха, дѣда Влади-«міpова, и Неофитъ, митрополитъ Ефесскій, вручилъ «дары сіи Великому Князю, преклонилъ его къ миру, «вѣнчалъ въ Кіевскомъ соборномъ храмѣ император-«скимъ вѣнцомъ и провозгласилъ Царемъ Россій-«скимъ» (1).

II.

КОРОНОВАНІЕ

ВНУКА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ІОАННА III,

ДИМИТРІЯ (2).

Послѣ вѣнчанія на царство Владиміра Мономаха, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ извѣстій о вѣнчаніи на престолъ слѣдовавшихъ за нимъ Государей до 1498 года, т. е. до княженія Великаго Князя Московскаго Іоанна III. При немъ мы видимъ царское вѣнчаніе, которымъ онъ, въ послѣдніе года жизни своей, вѣнчалъ на царство въ наслѣдники себѣ юнаго внука своего Димитрія. Оно описано тогдашними современниками со всѣми любопытными подробностями, и есть первое описаніе вѣнчанія на Царство Русское. Оно происходило слѣдующимъ образомъ:

Въ назначенный для вѣнчанія день, 3-го февраля 1498 года, Великій Князь Іоаннъ III, сопровождаемый всѣмъ Дворомъ, боярами и чиновниками, ввелъ юнаго, пятнадцатилѣтняго Димитрія въ соборную церковь Успенія, гдѣ митрополитъ съ пятью епископами, многими архимандритами, игуменами, пѣлъ молебенъ Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвонъ съ тремя сѣдалищами: для Государя, Димитрія и митрополита. Близь сего мѣста лежали на столѣ вѣнецъ и бармы Мономаховы. Послѣ молебна Іоаннъ и митрополитъ сѣли: Димитрій стоялъ предъ ними на высшей степени амвона. Іоаннъ сказалъ: «Отче митрополитъ! издревле Государи, предки наши, давали Великое Княжество первымъ сынамъ своимъ: я также благословилъ онымъ моего первороднаго, Іоанна. Но по волѣ Божіей его не стало; благословляю нынѣ внука Димитрія, его сына, при себѣ и послѣ себя, Великимъ Княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новогородскимъ: и ты, отче, дай ему благословеніе.» Митрополитъ велѣлъ юному Князю ступить на амвонъ, всталъ, благословилъ Димитрія крестомъ, и положивъ руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь царей, отъ святаго жилища Своего благоволитъ воззрѣть съ любовію на Димитрія; да сподобитъ его помазатися елеемъ радости, пріять силу свыше, вѣнецъ и скипетръ царствія; да возсядетъ юноша на престолъ правды, оградится всеоружіемъ Святаго Духа, и твердою мышцею покоритъ народы варварскіе; да живетъ въ сердцѣ

его добродѣтель, вѣра чистая и правосудіе. Тутъ два архимандрита подали бармы; митрополитъ, ознаменовавъ Димитрія крестомъ, вручилъ ихъ Іоанну, который возложилъ оныя на внука. Митрополитъ тихо произнесъ слѣдующее: «Господи Вседержителю и Царю вѣковъ! се земный человѣкъ, Тобою Царемъ сотворенный, преклоняетъ главу въ моленіи къ Тебѣ, Владыкѣ міра. Храни его подъ кровомъ Своимъ: правда и миръ да сіяютъ во дни его; да живемъ съ нимъ тихо и покойно въ чистотѣ душевной....» Архимандриты подали вѣнецъ: Іоаннъ взялъ его изъ рукъ Первосвятителя и возложилъ на внука. Митрополитъ сказалъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!»

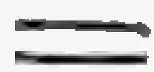
Читали ектенію и молитву Богоматери. Великій Князь и митрополитъ сѣли на своихъ мѣстахъ. Архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе обоимъ Государямъ, за нимъ ликъ священниковъ и діаконовъ. Митрополитъ всталъ и вмѣстѣ съ епископами поздравилъ дѣда и внука, также сыновья Государевы, бояре и всѣ знатные сановники. Въ заключеніе Іоаннъ сказалъ юному Князю: «Внукъ Димитрій! я пожаловалъ и благословилъ тебя Великимъ Княжествомъ; а ты имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, милость, и пекись о всемъ христіанствѣ.» — Великіе Князья сошли съ амвона. Послѣ обѣдни Іоаннъ возвратился въ свой дворецъ, а Димитрій, въ вѣнцѣ и въ бармахъ, провождаемый всѣми дѣтьми Государе-

выми (кромѣ Василія) и боярами, ходилъ въ соборъ Архангела Михаила и Благовѣщенія, гдѣ сынъ Іоанновъ, Юрій, осыпалъ его въ дверяхъ золотыми и серебряными деньгами. Въ тотъ день былъ великій пиръ у Государя для всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ (3).

III.

КОРОНОВАНІЕ ЦАРЯ

ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.

По кончинѣ Іоанна III, на Великое Княжество Московское восшелъ не Димитрій, умершій вскорѣ послѣ дѣда, но сынъ Іоанна III, Василій. Лѣтописцы не сохранили извѣстій, былъ ли онъ вѣнчанъ на царство, какъ племянникъ его Димитрій, или нѣтъ. — Послѣ смерти Василія на престолъ Великаго Княжества Московскаго восшелъ подъ опекою малолѣтный сынъ его Іоаннъ IV, Грозный.

Когда ему исполнилось 17-ть лѣтъ отъ роду, то онъ объявилъ о намѣреніи своемъ еще до вступленія въ бракъ исполнить древній обрядъ предковъ своихъ—вѣнчаться на царство. Онъ велѣлъ митрополиту и боярамъ готовиться къ сему торжеству вели-

кому, какъ бы утверждающему печатію вѣры святой союзъ между Государемъ и народомъ. Оно было не новое для Московской державы: Іоаннъ III вѣнчалъ своего внука на царство; но совѣтники Великаго Князя, желая или дать болѣе важности сему обряду или удалить отъ мыслей горестное воспоминаніе о судьбѣ Димитрія Іоанновича, говорили единственно о древнѣйшемъ примѣрѣ Владиміра Мономаха, на коего митрополитъ Ефесскій возложилъ вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константиновы. Писали и разсказывали, что Мономахъ, умирая, отдалъ царскую утварь шестому сыну своему, Георгію; велѣлъ только хранить ее какъ зеницу ока и передавать изъ рода въ родъ безъ употребленія, доколѣ Богъ не умилостивится надъ бѣдною Россіею и не воздвигнетъ въ ней истиннаго Самодержца, достойнаго украситься знаками могущества. Сіе преданіе вошло въ лѣтописи XVI вѣка, когда Россія дѣйствительно увидѣла Самодержца на тронѣ, и Греція, издыхая въ бѣдствіи, отказала намъ величіе своихъ царей.

Января 16-го 1547 года, утромъ Іоаннъ вышелъ въ Столовую комнату, гдѣ находились всѣ бояре; а воеводы, князья и чиновники, богато одѣтые, стояли въ сѣняхъ. Духовникъ Государевъ, Благовѣщенскій протоіерей, взявъ изъ рукъ Іоанновыхъ, на златомъ блюдѣ, животворящій крестъ, вѣнецъ и бармы, отнесъ ихъ, провождаемый конюшимъ, княземъ Михаиломъ Глинскимъ, казначеями и дьяками, въ

храмъ Успенія. Скоро пошелъ туда и Великій Князь; передъ нимъ духовникъ съ крестомъ и святою водою, кропя людей на обѣихъ сторонахъ; за нимъ князь Юрій Васильевичъ, бояре, князья и весь Дворъ. Вступивъ въ Церковь, Государь приложился къ иконамъ: священные лики возгласили ему многолѣтіе; митрополитъ благословилъ его. Служили молебенъ. Посреди храма, на амвонѣ съ 12-ю ступенями, были изготовлены два мѣста, одѣтыя златыми паволоками; въ ногахъ лежали бархаты и камки; тамъ сѣли Государь и митрополитъ. Предъ амвономъ стоялъ богатоукрашенный налой съ Царскою утварью: архимандриты взяли и подали ее Макарію; онъ всталъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, и возлагая на него крестъ, бармы, вѣнецъ, громогласно молился, чтобы Всевышній оградилъ сего христіанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и милостивое око для послушныхъ. Обрядъ заключился возглашеніемъ новаго многолѣтія Государю. Принявъ поздравленіе отъ духовенства, вельможъ, гражданъ, Іоаннъ слушалъ литургію, возвратился въ дворецъ, ступая съ бархата на камку, съ камки на бархатъ. — Князь Юрій Васильевичъ осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣстницѣ золотыми деньгами, изъ мисы, которую несъ за нимъ Михайло Глинскій. Какъ скоро Государь вышелъ изъ церкви, народъ дотолѣ неподвижный, безмолвный, съ шумомъ кинулся обдирать *Царское мѣсто*; всякой хотѣлъ имѣть лоскутъ паволоки на

память великаго дня для Россіи. Однимъ словомъ, сіе торжественное вѣнчаніе было повтореніемъ Димитріева, съ нѣкоторою перемѣною въ словахъ молитвъ, и съ тою разностью, что Іоаннъ III самъ (а не Митрополитъ) надѣлъ вѣнецъ на главу юнаго Монарха. Современные лѣтописцы не упоминаютъ о *скипетрѣ*, ни о *мѵропомазаніи*, ни о *причащеніи*; не сказываютъ также, чтобы Макарій говорилъ Царю поученіе. Съ сего времени Россійскіе Монархи начали уже не только въ сношеніяхъ съ иностранными державами, но и внутри государства во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ именоваться *Царями*, сохраняя и титулъ Великихъ Князей, освященный древностью, а тогдашніе книжники Московскіе объявили народу, что этимъ исполнилось пророчество Апокалипсиса о шестомъ царствѣ, которое есть Царство Россійское. Въ 1561 году Іоасафъ, патріархъ Константинопольскій, соборною грамотою утвердилъ Царя Іоанна IV въ санѣ Царскомъ (4).

IV.

КОРОНОВАНІЕ ЦАРЯ

ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ восшелъ на Престолъ, по кончинѣ родителя своего, Царя Іоанна Грознаго, 19-го марта 1584 года. Вскорѣ назначенъ былъ день Царскаго вѣнчанія и соборною грамотою утверждены его священные обряды. Вѣнчаніе на царство происходило въ томъ же году 31-го мая. Въ этотъ день собралося безчисленное множество людей на Кремлевской площади, такъ что воины едва могли очистить путь для духовника Государева, когда онъ несъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, изъ Царскихъ палатъ въ храмъ Успенія *святыню Мономахову*, животворящій крестъ, вѣнецъ и бармы (Годуновъ несъ за духовникомъ скипетръ). — Не взирая на тѣсноту безпримѣрную, все затихло, когда Ѳеодоръ вышелъ

изъ дворца со всѣми боярами, князьями, воеводами, чиновниками: Государь въ одеждѣ небеснаго цвѣта, придворные — въ златой, и сія удивительная тишина провождала Царя до самыхъ дверей храма, также наполненнаго людьми всякаго званія: ибо всѣмъ Россіянамъ дозволялось видѣть священное торжество Россіи, единаго семейства подъ державою Отца-Государя. Во время молебна окольничіе и духовные сановники ходили по церкви, тихо говоря народу: «благоговѣйте и молитеся!» Царь и митрополитъ Діонисій сѣли на изготовленныхъ для нихъ мѣстахъ, у вратъ западныхъ, и Ѳеодоръ среди общаго безмолвія сказалъ первосвятителю: «Владыко! родитель нашъ, «Самодержецъ Іоаннъ Васильевичъ, оставилъ земное «царство, и пріявъ ангельскій образъ, отшелъ на Царство Небесное; а меня благословилъ державою и «всѣми хоругвями государства; велѣлъ мнѣ, соглас«но съ древнимъ уставомъ, *помазаться* и вѣнчаться «царскимъ вѣнцемъ, діадимою и святыми бармами: «завѣщаніе его извѣстно духовенству, боярамъ и «народу. И такъ по волѣ Божіей и благословенію «отца моего, соверши обрядъ священный, да буду «Царь и *Помазанникъ!*» Митрополитъ, осѣнивъ Ѳео«дора крестомъ, отвѣтствовалъ: «Господинъ, возлюб«ленный сынъ Церкви и нашего смиренія, Богомъ из«бранный и Богомъ на престолъ возведенный! дан«ною намъ благодатію отъ Святаго Духа помазуемъ и «вѣнчаемъ тебя, да именуешься Самодержцемъ Россіи!» Возложивъ на Царя животворящій крестъ Монома-

ховъ, бармы и вѣнецъ на главу, съ моленіемъ, да благословитъ Господь его правленіе, Діонисій взялъ Ѳеодора за десницу, поставилъ на особенномъ *Царскомъ мѣстѣ*, и вручивъ ему *скипетръ*, сказалъ: «блюди хоругви великія Россіи!» Тогда архидіаконъ на амвонѣ, священники въ алтарѣ и клиросы возгласили многолѣтіе Царю вѣнчанному, привѣтствуемому духовенствомъ, сановниками, народомъ, съ изъявленіемъ живѣйшей радости; и митрополитъ въ краткой рѣчи напомнилъ Ѳеодору главныя обязанности Вѣнценосца: долгъ хранить Законъ и Царство, имѣть духовное повиновеніе къ святителямъ и вѣру къ монастырямъ, искреннее дружество къ брату, уваженіе къ боярамъ, основанное на ихъ родовомъ старѣйшинствѣ, милость къ чиновникамъ, воинству и всѣмъ людямъ. «Цари намъ вмѣсто Бога,» продолжалъ Діонисій: «Господь ввѣряетъ имъ судьбу человѣческаго «рода, да блюдутъ не только себя, но и другихъ отъ «зла; да спасаютъ міръ отъ треволненія, и да боятся «*серпа небеснаго!* Какъ безъ солнца мракъ и тьма «господствуютъ на землѣ, такъ и безъ ученія все «темно въ душахъ: будь же любомудръ, или слѣдуй «мудрымъ; будь добродѣтеленъ, ибо едина добродѣ-«тель украшаетъ царя, едина добродѣтель безсмертна. «Хочешь ли благоволенія небеснаго? благоволи о под-«данныхъ.... Не слушай злыхъ клеветниковъ, о Царь, «рожденный милосердымъ!.... Да цвѣтетъ во дни твои «правда; да успокоится отечество! .... И возвыситъ «Господь Царскую десницу твою надъ всѣми вра-

«гами, и будетъ Царство твое мирно и вѣчно въ родъ «и родъ!» Тутъ, проливая слезы умиленія, всѣ люди воскликнули: «будетъ и будетъ многолѣтно!»— Θеодоръ, въ полномъ Царскомъ одѣяніи, въ коронѣ Мономаховой, въ богатой мантіи, и держа въ рукѣ длинный скипетръ (сдѣланный изъ драгоцѣннаго китоваго зуба), слушалъ литургію, имѣя видъ утомленнаго. Предъ нимъ лежали короны завоеванныхъ царствъ; а подлѣ него, съ правой стороны, какъ ближній вельможа, стоялъ Годуновъ: дядя Θеодоровъ, Никита Романовичъ Юрьевъ, наряду съ другими боярами. Ничто, по сказанію очевидцевъ, не могло превзойти сего торжества въ великолѣпіи. Амвонъ, гдѣ сидѣлъ Государь съ митрополитомъ, налой, гдѣ лежала утварь Царская, и мѣста для духовенства были устланы бархатами, а помостъ церкви коврами Персидскими и красными сукнами Англійскими. Одежды вельможъ, въ особенности Годунова и князя Ивана Михайловича Глинскаго, сіяли алмазами, яхонтами, жемчугомъ удивительной величины, такъ что иноземные писатели цѣнятъ ихъ въ милліоны. Но всего болѣе торжество украшалось веселіемъ лицъ и знаками живѣйшей любви къ Престолу. — Послѣ Херувимской пѣсни митрополитъ, въ дверяхъ царскихъ, возложилъ на Θеодора *Мономахову цѣпь Аравійскаго злата*; въ концѣ же литургіи *помазалъ его Святымъ Миромъ и причастилъ Святыхъ Таинъ.* Въ сіе время Борисъ Годуновъ держалъ скипетръ, Юрьевъ и Димитрій Ивановичъ Годуновъ (дядя Ирины),—вѣнецъ Царскій

на златомъ блюдѣ. Благословенный Діонисіемъ и въ южныхъ дверяхъ храма осыпанный деньгами, Өеодоръ ходилъ поклониться гробамъ предковъ, моляся, да наслѣдуетъ ихъ государственныя добродѣтели. Между тѣмъ Ирина, окруженная боярынями, сидѣла въ *коронѣ* подъ растворенымъ окномъ своей палаты и была привѣтствуема громкими восклицаніями народа: «да здравствуетъ Царица!» Въ Тронной вельможи и чиновники цѣловали руку у Государя; въ Столовой палатѣ съ нимъ обѣдали, равно какъ и все знатное духовенство. Пиры, веселія, забавы народныя продолжались цѣлую недѣлю и заключились воинскимъ праздникомъ внѣ города, гдѣ, на обширномъ лугу, въ присутствіи Царя и всѣхъ жителей Московскихъ, гремѣло 170 мѣдныхъ пушекъ, предъ осмью рядами стрѣльцовъ, одѣтыхъ въ тонкое сукно и въ бархатъ. Множество всадниковъ, также богато одѣтыхъ, провожало Өеодора (5).

V.

КОРОНОВАНІЕ ЦАРЯ

БОРИСА ГОДУНОВА.

Царь Өеодоръ скончался 7-го января 1598 года. Съ нимъ пресѣклась царственная отрасль дома Рюрикова, и тотчасъ единогласно была избрана на осиротѣвшій престолъ Царства Русскаго супруга Өеодорова, сестра правителя Царства, Бориса Годунова, вдовствующая Царица Ирина. Но она не приняла престола и постриглась въ инокини подъ именемъ Александры. Тогда, 21-го февраля того же 1598 года, избранъ былъ на престолъ Мономаховъ братъ ея, Борисъ Годуновъ. Въ то время онъ пребывалъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ у вдовствующей царицы, сестры своей, и имѣлъ оттуда торжественный въѣздъ въ Кремль

30-го апрѣля того года. Вотъ описаніе этого въѣзда: Въ часъ утра духовенство съ крестами и съ иконами, синклитъ, Дворъ, приказы, воинство, всѣ граждане ждали Царя у каменнаго моста, близъ церкви Св. Николая Зарайскаго. Борисъ ѣхалъ изъ Новодѣвичьяго монастыря съ своимъ семействомъ въ великолѣпной колесницѣ; увидѣвъ хоругви церковныя и народъ, вышелъ; поклонился святымъ иконамъ; милостиво привѣтствовалъ всѣхъ, и знатныхъ и незнатныхъ; представилъ имъ Царицу, давно извѣстную благочестіемъ и добродѣтелію искреннею, девятилѣтняго сына и шестнадцатилѣтнюю дочь—ангеловъ красотою. Слыша восклицанія народа: «Вы наши государи, мы ваши подданные,» Ѳеодоръ и Ксенія вмѣстѣ съ отцемъ ласкали чиновниковъ и гражданъ; такъ же, какъ и онъ, взявъ у нихъ хлѣбъ-соль, отвергнули золото, серебро и жемчугъ, поднесенные имъ въ даръ, и звали всѣхъ обѣдать къ Царю. Невозбранно тѣснимый безчисленною толпою людей, Борисъ шелъ за духовенствомъ съ супругою и съ дѣтьми, какъ добрый отецъ семейства и народа, въ храмъ Успенія, гдѣ патріархъ возложилъ ему на грудь животворящій крестъ Св. Петра Митрополита (что было уже началомъ царскаго вѣнчанія), и въ третій разъ благословилъ его на великое Государство Московское. Отслушавъ литургію, новый Самодержецъ, провождаемый Боярами, обходилъ всѣ главныя церкви Кремлевскія, вездѣ молился съ теплыми слезами, вездѣ слышалъ радостный кликъ гражданъ, и держа за руку

своего юнаго наслѣдника, а другою ведя прелестную Ксенію, вступилъ съ супругою въ палаты Царскія. Въ сей день народъ обѣдалъ у царя: не знали числа гостямъ, но всѣ были званые, отъ патріарха до нищаго. Москва не видала такой роскоши и въ Іоанново время.

Борисъ вѣнчался на царство 1-го сентября тогоже 1598 года, въ день Новолѣтія, т. е. въ день общаго доброжелательства и надеждъ, лестныхъ для сердца. Его вѣнчаніе на царство было еще пышнѣе и торжественнѣе Ѳеодорова, ибо онъ пріялъ утварь Мономахову изъ рукъ вселенскаго патріарха. Народъ благоговѣлъ въ безмолвіи; но когда Царь, осѣненный десницею первосвятителя, въ порывѣ живаго чувства какъ бы забывъ уставъ церковный, среди литургіи воззвалъ громогласно: «Отче, великій патріархъ Іовъ! «Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не бу-«детъ ни сираго, ни бѣднаго!»— и тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: «отдамъ и сію послѣднюю народу»: тогда единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе; слышны были только клики умиленія и благодарности въ храмѣ; бояре славословили Монарха, народъ плакалъ. Увѣряютъ, что новый Вѣнценосецъ, тронутый знаками общей къ нему любви, тогда же произнесъ и другой важный обѣтъ: щадить жизнь и кровь самыхъ преступниковъ и единственно удалять ихъ въ пустыни Сибирскія. Однимъ словомъ, никакое царское вѣнчаніе въ Россіи не дѣйствовало

сильнѣе Бориса на воображеніе и чувство людей.— Осыпанный въ дверяхъ церковныхъ золотомъ изъ рукъ Мстиславскаго, Борисъ, въ коронѣ, съ державою и скиптромъ, спѣшилъ въ Царскую палату, занять мѣсто Варяжскихъ Князей на тронѣ Россіи, чтобы милостями, щедротами и государственными благодѣяніями праздновать сей день великій. Обнародовавъ съ престола разныя Царскія милости и благодѣянія, Борисъ двѣнадцать дней угощалъ народъ пирами (6).

VI.

КОРОНОВАНІЕ ЦАРЯ

ВАСИЛІЯ ШУЙСКАГО.

По смерти сына Годунова, юнаго Царя Θеодора, царствовавшаго менѣе двухъ мѣсяцевъ и не успѣвшаго вѣнчаться на Царство, Лжедимитрій 16-го іюня 1605 года остановился съ войскомъ лагеремъ подъ Москвою у села Коломенскаго, а чрезъ четыре дня, т. е. 20-го іюня, вступилъ въ Москву торжественно и пышно.— 21-го іюля того же года совершилось его вѣнчаніе на Царство, а въ день обрученія и свадьбы его на Маринѣ Мнишекъ, 8-го маія 1606 года, предъ совершеніемъ брачнаго обряда, было совершено въ Успенскомъ соборѣ, по приказанію Лжедимитрія, Царское вѣнчаніе невѣсты его.

На третій день по смерти Лжедимитрія былъ избранъ въ Цари князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Это было 19-го мая 1606 года.—Вѣнчаніе на Царство Царя Василія Шуйскаго совершилось въ Успенскомъ соборѣ 1-го іюня того же года съ наблюденіемъ всѣхъ торжественныхъ обрядовъ, но безъ всякой расточительной пышности: корону Мономахову возложилъ на Василія митрополитъ Новгородскій. Синклитъ и народъ славили Вѣнценосца съ усердіемъ; гости и купцы отличились щедростію въ дарахъ, ему поднесенныхъ. — Являлось однакожь какое-то уныніе въ столицѣ. Не было ни милостей, ни пировъ.

Рѣчь сказанная Шуйскому при короновании отличается замѣчательнымъ краснорѣчіемъ (7).

VII.

КОРОНОВАНІЕ ЦАРЯ

МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Когда послѣ страшнаго времени Междуцарствія, въ которое едва не погибла Россія, была въ 1612 году освобождена Москва отъ Поляковъ Мининымъ и Пожарскимъ, и для Государства Россійскаго возсіяло солнце,—избранъ былъ единогласно всею землею Русскою въ Цари Россійскіе, 21-го февраля 1613 года, юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, родоначальникъ благословеннаго Царствующаго Дома Романовыхъ. Михаилъ въ то время находился съ матерью своею въ Костромѣ. Послы Земскаго Совѣта, прибывшіе изъ Москвы въ Кострому, звать Михаила на царство, едва могли уговорить его возсѣсть на пре-

столъ Царства Русскаго. 14-го марта Михаилъ по благословенію родительницы своей согласился на ихъ слезное моленіе—принялъ престолъ Царства Россійскаго, и чрезъ пять дней, т. е. 19-го марта 1613 года, сопровождаемый духовенствомъ, присланными отъ Земскаго Совѣта и множествомъ съѣхавшихся въ Кострому разнаго званія людей, въ предшествіи святыхъ иконъ, отправился изъ Костромы въ Москву. Мать слѣдовала за нимъ. Путь его до Ярославля казался торжественнымъ шествіемъ; народъ выбѣгалъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью; духовенство встрѣчало его при церквахъ со крестами. Ярославль весь двинулся въ срѣтеніе Царя. Здѣсь ожидали Михаила присланные изъ Москвы: архіепископъ Суздальскій Герасимъ, бояре—князь И. М. Воротынскій и В. П. Морозовъ, окольничій, князь Даніилъ Мезецкій. Ударивъ челомъ, они звали Царя въ Москву, и составили совѣтъ его.—Путь Михаила изъ Ярославля до Москвы продолжался болѣе двухъ недѣль. Царь поклонялся въ Ростовѣ и Переяславлѣ св. мощамъ, посѣщалъ монастыри, и прожилъ Свѣтлую недѣлю въ Троицкой лаврѣ, гдѣ Діонисій и Авраамій насладились наконецъ зрѣлищемъ законнаго, православнаго Царя, и за вратами обители привѣтствовали будущую надежду спасенія отечества. Путь отъ Троицкой обители до Москвы былъ истиннымъ торжествомъ дѣтей, встрѣчающихъ отца своего. Москвичи ѣхали, шли, бѣжали на встрѣчу Государю, и съ восторгомъ смотрѣли на благолѣпнаго, кроткаго, юнаго власти-

теля Русской земли. Въ селѣ Братовщинѣ благословилъ его митрополитъ Кириллъ, и ударилъ ему челомъ князь Иванъ Воротынскій, со множествомъ другихъ сановниковъ. Ряды войскъ, граждане съ хлѣбомъ-солью, предшествовали Михаилу, и толпились на пути. Близъ Москвы все духовенство, всѣ бояре съ крестами и иконами, вышли привѣтствовать Царя. Улицы заперлись народомъ, плачущимъ отъ радости, и громко благословляющимъ Царя. Преклонясь предъ святынею Успенскаго собора и поклонясь гробамъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ, Михаилъ вошелъ въ царскіе Кремлевскіе чертоги. Родительница благословила его, и удалилась на житье въ Вознесенскій монастырь.

Іюля 11-го, въ тотъ день, когда Михаилу совершилось ровно семнадцать лѣтъ, назначено было его коронованіе. Государь указалъ въ сей день *быть безъ мѣстъ* (8). Наканунѣ, во всѣхъ церквахъ столицы служили всенощную и пѣли молебны Чудотворцу Сергію. Утромъ, въ Золотой Палатѣ собрались бояре; дворецъ наполнился чиновниками и воинскими людьми, Кремль войскомъ и народомъ. Въ Успенскомъ соборѣ приготовили *великое мѣсто*, или царскій чертогъ, о двѣнадцати ступеняхъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, и на немъ поставили Персидскій малый престолъ для Царя и стулъ для митрополита. Соборъ устлали парчами и бархатами. Митрополитъ Ефремъ пришелъ въ соборъ съ духовенствомъ; Царь вышелъ

въ Золотую Палату. Князь Пожарскій и казначей Трахаціотовъ принесли *царскій чинъ* — вѣнецъ, державу, скипетръ, наперсный крестъ. Михаилъ приложился ко кресту. Духовникъ царскій благоговѣйно понесъ послѣ сего въ соборъ крестъ; его провожалъ бояринъ Морозовъ; скипетръ понесъ Пожарскій, державу Траханіотовъ, вѣнецъ Иванъ Никитичъ Романовъ. Зазвонили во всѣ кремлевскіе колокола. Митрополитъ Кириллъ принялъ регаліи въ Успенскомъ соборѣ; митрополитъ Ефремъ положилъ ихъ на налой предъ царскими вратами храма. Царь выступилъ изъ палатъ; бояринъ Морозовъ шелъ передъ нимъ; окольничіе и десять стольниковъ сопровождали его. Народу приказано было соблюдать благоговѣйное молчаніе. Стрѣльцы стерегли, чтобъ никто не перешелъ дороги Царю. Михаилъ остановился въ соборѣ у патріаршаго мѣста; начали молебенъ. Между тѣмъ, окольничіе и стольники ходили по церкви, «и устанавливали народъ, чтобы стоялъ со всякимъ молчаніемъ, кротостію, цѣломудріемъ и вниманіемъ.» Потомъ два архимандрита съ двумя ключарями и двумя діаконами, говорили народу, ходя по церкви: «стоять со страхомъ и трепетомъ; молить Бога, Богоматерь, святыхъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ за Царя,—да совершитъ его Господь царскимъ вѣнчаніемъ, умножитъ лѣта живота его, и устроитъ царство его мирно и вѣчно въ родъ и родъ.»

Среди глубокой тишины, митрополитъ Ефремъ возвелъ Царя на *великое мѣсто*, и Михаилъ говорилъ

ему, что волею Бога Царь Θеодоръ «безчаденъ оставилъ земное царство,» а избранные потомъ Цари—Борисъ скончался, а Василій отъ царства отрекся. И нынѣ вы, богомольцы наши, митрополиты, архіепископы, епископы, весь освященный соборъ, бояре, дворяне, приказные люди, дѣти боярскіе, атаманы, казаки, гости, служилые, жилецкіе люди, всенародное множество городовъ всего великаго Россійскаго Царства, избрали въ Цари насъ, Михаила. По Божіей милости и по данной вамъ благодати Святаго Духа, по вашему и всякихъ чиновъ всего Московскаго государства избранію, богомольцы наши, благословите и вѣнчайте насъ на наши великія государства царскимъ вѣнцомъ и діадимою, по прежнему царскому чину и достоянію.»

Митрополитъ отвѣчалъ царю; распространился въ отвѣтѣ своемъ о бѣдствіяхъ и спасеніи отечества, упомянулъ о предстоящемъ священномъ обрядѣ, и заключилъ желаніемъ: «Да умножитъ Богъ лѣта царствія Царя Михаила; положитъ на главѣ его вѣнецъ отъ камени честна, даруетъ ему долготу дней, дастъ въ десницу скипетръ царствія, посадитъ на престолѣ правды, оградитъ всеоружествомъ Святаго Духа, утвердитъ мышцу его, и покоритъ ему вся языки, хотящіе браней. Да всѣетъ тебѣ Богъ въ сердце твое страхъ свой и милость къ послушнымъ,» продолжалъ архипастырь: «соблюдетъ тебя въ вѣрѣ, и покажетъ опасна хранителя Православной Церкви; да судишь ты люди твоя правдою и нищіе твоя судомъ истин-

нымъ; да возсіяетъ во днѣхъ твоихъ правда и множество мира; да тихо и безмолвно здѣсь поживешь, въ чистотѣ и благочестіи, добрѣ и благоугодно, и наслѣдникъ будешь Небеснаго Царствія, со всѣми православными Царями. Пріими же, Государь, превысочайшую честь и вышехвальную славу, вѣнецъ царствія на главу свою, вѣнецъ, его же взыскалъ отъ древнихъ лѣтъ предокъ твой, Владиміръ Мономахъ; да процвѣтетъ намъ отъ вашего царскаго, прекрасно-цвѣтущаго корени, пресвѣтлая и прекрасная вѣтвь, въ надежду и наслѣдіе всѣмъ великимъ государствамъ Россійскаго Царства!»

Митрополитъ возложилъ на Царя крестъ Мономаховъ, прочелъ молитву, положа руки на его голову, облекъ его въ бармы, возложилъ на него вѣнецъ Мономаховъ, отвелъ его на царское мѣсто, и преклонился предъ нимъ. Царь сѣлъ на тронѣ, принялъ скипетръ и державу. Съ восторгомъ услышали присутствующіе многолѣтіе «Боговѣнчанному и *поставленному* Царю Михаилу.» Всѣ сановники и духовенство подходили поздравлять его, и митрополитъ Ефремъ произнесъ поученіе новопоставленному Властителю земли Русскія. — «Вѣдай,» говорилъ онъ, «вѣдай, Царь Великій, Михаилъ Ѳедоровичъ, яко отъ Бога дается Царямъ держава, и отъ Вышняго сила. Богъ возноситъ васъ, Царей, на престолы, и полагаетъ у васъ милость и животъ. Пріявъ правленіе, не токмо о своихъ, о себѣ, о своемъ житіи подобаетъ

пещись Царямъ, но все ими обладаемое спасать, и соблюдать стадо свое отъ волковъ невредимо, бояться наказующаго серпа небеснаго, и не давать воли злотворящимъ, погубляющимъ душу съ тѣломъ. Какъ, не сущу на земли солнцу, все темно и неразсудно, такъ не сущу въ душѣ наказанію все размѣшено бываетъ. Отъ всего стяжанія на землѣ едина добродѣтель безсмертна. Не пріемли же, Государь, языка льстива и слуха суетна, не вѣрь злому, не слушай оболгателя. Смотри въ самаго себя, Царь Боговѣнчанный! Мудрость всего честнѣе и тщательнѣе, и подобаетъ тебѣ мудрымъ быть или мудрымъ послѣдовать, на нихъ же, яко на престолѣ, Богъ почиваетъ. Не блага міра сего, но добродѣтель украшаетъ Царей. Не презирай низшихъ тебя: надъ самимъ тобою есть Царь; и если Онъ о всѣхъ печется, ты ли о комънибудь нерадѣть будешь! Возмогай же, Государь, возмогай: да когда пріидетъ часъ суда твоего, ты возможешь безбоязненно стать предъ Господомъ и сказать смѣло: Се я, Господи, и люди Твои, которыхъ далъ мнѣ Ты; — сказать, и услышать гласъ Царя и Бога твоего: Благій рабе, Царю Россійскій Михаиле! въ малѣ былъ ты Мнѣ вѣренъ, надъ многими тебя поставлю!».... Когда послѣ сего, благословляя Царя животворящимъ крестомъ, владыка громко возвысилъ молитву — «Да умножитъ Господь лѣта царствія Царя Михаила; да узритъ онъ сыны сыновъ своихъ; да возвысится десница его надъ врагами, и устроится царство его и потомковъ его, мирно и

вѣчно!»—растроганные зрители святаго обряда громко воскликнули: «Оно будетъ, оно будетъ многолѣтно!»

Царь слушалъ литургію въ *Царскомъ санѣ.* По парчамъ и бархатамъ подошелъ Михаилъ къ Святому Муропомазанію. Вѣнецъ держалъ тогда дядя его, Иванъ Никитичъ, скипетръ князь Трубецкой, державу князь Пожарскій. По окончаніи литургіи, Царь звалъ къ себѣ митрополита и духовныхъ *хлѣба ѣсти*, и вышелъ изъ храма южными дверьми. Здѣсь, на крыльцѣ, осыпалъ его потрижды золотыми и серебряными деньгами бояринъ Мстиславскій, а также при выходѣ изъ Архангельскаго собора и изъ Благовѣщенскаго собора ко дворцу. Народъ ликовалъ, взирая на Царя юнаго, видя обновленіе древняго царскаго велелѣпія. Покрышка царскаго чертога въ Успенскомъ соборѣ была разорвана народомъ; каждый хотѣлъ сохранить лоскутокъ на память. «Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ его на царство въ чревѣ матери!» говорилъ народъ. «Не даромъ ненавидѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ, по волхвованію предузнавъ о будущей славѣ его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено царствоватъ въ Россіи.» Пиры, милостина, колокольный звонъ и веселье продолжалось три дня (9).

VIII.

КОРОНОВАНІЕ ЦАРЯ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Царь Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ, по кончинѣ родителя своего, Царя Михаила Ѳеодоровича, 12-го іюля 1645 года, а 28-го сентября того же года вѣнчался на Царство. День вѣнчанія приходился въ воскресенье. На него совершена была всенощная съ соборахъ и по всѣмъ Московскимъ храмамъ.

Въ Успенскомъ соборѣ наканунѣ уже было готово весьма возвышенное, о двѣнадцати ступеняхъ, чрезвычайно богато украшенное, *чертожное мѣсто*, на которомъ долженъ былъ короноваться Царь; отъ чертожнаго мѣста къ царскимъ дверямъ по обѣимъ сторонамъ была поставлены двѣ скамьи, постланныя золотыми Персидскими коврами, для возсѣданія при

короновапіи, митрополитамъ и архіепископамъ. и все въ соборѣ изготовлено богатѣйшимъ образомъ для Царскаго вѣнчанія.

Поутру въ день короновапія принесены были въ Успенскій соборъ постельничими Племянниковымъ и Панинымъ золотое царское мѣсто, украшенное драгоцѣнными каменьями, называемое *Персидскимъ*, и приступецъ къ нему, обложенный золотнымъ бархатомъ, и были поставлены ими на чертожномъ мѣстѣ, на правой сторонѣ. Послѣ этого по лѣвую сторону подлѣ царскаго мѣста былъ поставленъ патріаршій стулъ съ золотною бархатною подушкою. Противъ чертожнаго мѣста, близь амвона, казначей и дьяки помѣстили три драгоцѣнно украшенныхъ налоя, изъ которыхъ два были ровны, а третій пониже.

Когда отошли ночные часы и торжественно заблаговѣстили на Иванѣ Великомъ къ Царскому вѣнчанію, патріархъ Іосифъ, въ лучшемъ клобукѣ, украшенномъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, въ богатой мантіи, шествовалъ въ Успенскій соборъ, сопровождаемый многочисленнымъ, богато одѣтымъ духовенствомъ. Тамъ патріархъ и духовныя власти возсѣли на приготовленныя для нихъ мѣста.

Царь Алексѣй Михайловичъ изъ царскихъ комнатъ своихъ вошелъ въ Золотую среднюю расписанную палату и послалъ на казенный дворъ за Цар-

скими Мономаховыми утварями. Когда эти священныя утвари были принесены къ Царю въ Золотую палату, то онъ отправилъ ихъ въ Успенскій соборъ. Ихъ торжественно несли въ слѣдующемъ порядкѣ:

Духовникъ Царскій, Благовѣщенскій протопопъ Стефанъ, несъ на главѣ своей, на золотомъ блюдѣ, святый *животворящій крестъ* и *святыя бармы*, покрытые дорогою паволокою. Его поддерживали подъ руки два діакона.

Мономахову шапку несъ бояринъ Лукіанъ Степановичъ Стрѣшневъ, родной по матери дѣдъ Царя Алексѣя Михайловича.

Скипетръ несъ бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ.

Державу несъ казначей Богданъ Миничъ Дубровскій.

Блюдо золотое съ дорогими каменьями — думный дьякъ Иванъ Гавреневъ.

Стоянецъ—думный дьякъ Михаило Волошиловъ.

Эту торжественную процессію сопровождалъ бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ со множествомъ дворянъ, въ дорогихъ золотыхъ одеждахъ; эта пышная свита назначалась за процессіею, въ почесть животворящему кресту и всѣмъ священнымъ Царскимъ регаліямъ. Шествіе шло тихо и благоговѣйно. Доколи не внесли въ соборъ Царскія регаліи, имъ торжественно благовѣстили во всѣ колокола на Иванѣ Великомъ.

Патріархъ встрѣтилъ животворящій крестъ и регаліи Мономаха у дверей собора, и когда внесли ихъ въ соборъ, то съ молитвою поставилъ блюдо съ животворящимъ крестомъ и бармами на одинъ изъ вышепоименованныхъ налоевъ. Потомъ взявъ отъ боярина Л. С. Стрѣшнева Мономахову шапку, поставилъ се на драгоцѣнное золотое блюдо, принесенное для того съ регаліями, и помѣстилъ на другой налой. На то же блюдо подлѣ Мономаховой шапки, т. е. короны, патріархъ положилъ скипетръ, а державу поставилъ на третьемъ налоѣ, который былъ ниже, на принесенный съ регаліями *стоянецъ*.

Когда все было уготовано къ вѣнчанію, патріархъ сказалъ о томъ боярину Василію Петровичу Шереметеву, который и пошелъ извѣстить объ этомъ Царя. Тогда Царь Алексѣй Михайловичъ, предшествуемый духовникомъ своимъ, протопопомъ Стефаномъ (шедшимъ съ крестомъ и святою водою и кропившимъ ею путь Царскій до самаго собора) и бояриномъ Василіемъ Петровичемъ Шереметевымъ торжественно шествовалъ въ Успенскій соборъ. Его сопровождала огромная, богатѣйшимъ образомъ одѣтая свита вельможъ. Несмѣтное число народа обоего пола, стоявшаго по своимъ мѣстамъ, благоговѣйно взирало на шествіе Царя къ вѣнчанію.

Обрядъ коронованія совершалъ патріархъ Іосифъ съ тремя митрополитами, пятью архіереями и мно-

жествомъ архимандритовъ Московскихъ, Свято-Троицкаго-Сергіевскаго монастыря и другихъ монастырей.

На чертожномъ мѣстѣ за Царемъ съ правой стороны стояли его дядька, ближній комнатный бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ и постельничій Иванъ Михайловичъ Аничковъ.

Обрядъ коронованія былъ совершенъ по чину вѣнчанія прежнихъ Царей. Предъ началомъ его Царь говорилъ къ патріарху рѣчь, на которую онъ отвѣчалъ Царю также рѣчью, а по окончаніи коронованія произнесъ Царю поученіе. Когда Патріархъ и всѣ духовныя власти, находившіяся въ соборѣ принесли Царю поздравленіе съ совершеніемъ священнѣйшаго обряда, то Царь пригласилъ ихъ всѣ къ себѣ нынѣшній день за обѣденный столъ.

Послѣ этого Царь Алексѣй Михайловичъ въ порфирѣ и во всемъ Царскомъ облаченіи, съ скипетромъ и державою въ рукахъ, изшелъ изъ собора въ южныя двери, около которыхъ бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ осыпалъ его трижды золотыми деньгами, мису съ которыми держалъ стряпчій съ ключемъ Михайло Алексѣевичъ Ртищевъ. За этимъ Царь нововѣнчанный пошелъ тихо, съ царскимъ величественнымъ благолѣпіемъ, шествовалъ, — въ предшествіи и сопровожденіи многочисленнаго сонма вельможъ,—по крытымъ краснымъ сукномъ, подмосткамъ,

въ Архангельскій соборъ. Несмѣтное множество народа, мущинъ и женщинъ, благоговѣйно стояло въ это время по своимъ мѣстамъ и съ умилительною, неземною радостію, взирало на величественное шествіе нововѣнчаннаго Царя.

Приложась къ святынѣ въ Архангельскомъ соборѣ, Царь поклонился тамъ гробу родителя своего и гробамъ великихъ князей и Царей Русскихъ, предшественниковъ своихъ, почивающихъ въ этомъ соборѣ. Когда онъ вышелъ изъ собора въ южныя двери, то бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ снова осыпалъ его трижды золотыми деньгами. Послѣ этого Царь шествовалъ въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ встрѣтилъ его протопопъ Стефанъ, духовникъ его. Приложась къ святынѣ, находящейся въ этомъ соборѣ, онъ по выходѣ изъ него былъ въ третій разъ трижды осыпанъ золотыми деньгами, бояриномъ Н. И. Романовымъ, и чрезъ Красное крыльцо вступилъ въ свои Царскія палаты.

Когда патріархъ съ духовными властями прибылъ къ Царю на обѣдъ, то Царь вышелъ изъ Грановитой палаты, будучи одѣтъ уже въ *столовую одежду*, и встрѣтилъ патріарха у дверей этой палаты.

Царь обѣдалъ въ Грановитой палатѣ за особеннымъ столомъ, съ нимъ кушалъ за его столомъ только одинъ патріархъ и сидѣлъ отъ Царя на разстояніи слишкомъ сажени. Духовныя же и свѣтскія

власти и бояре обѣдали въ одно же время съ Царемъ въ Грановитой палатѣ за двумя особенными столами. Власти занимали лѣвый, отъ Царскаго стола, столъ, помѣщавшійся къ Благовѣщенскому собору, а бояре сидѣли за правымъ столомъ, называвшимся *кривымъ*; бояре и окольничіе были за столомъ *безъ мѣстъ* (т. е. не считались родовыми старшинствами своими, извѣстными подъ именемъ *мѣстничества*).

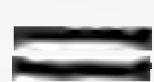
Въ день коронованія своего Царь Алексѣй Михайловичъ наградилъ многихъ чинами и милостями (10).

IX.

КОРОНОВАНІЕ ЦАРЯ

ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ вошелъ на престолъ, по кончинѣ родителя своего, Царя Алексѣя Михайловича, 29-го января 1676 года. 16-го іюня того же года происходило вѣнчаніе на царство Ѳеодора, по древнему Царскому чину, которымъ вѣнчались на царство предшествовавшіе ему Цари.

Также, какъ и при вѣнчаніи прежнихъ Царей, наканунѣ дня вѣнчанія совершена была въ Москвѣ въ соборахъ и по всѣмъ церквамъ всенощная.

Въ день вѣнчанія на царство Царь Ѳеодоръ отпускалъ животворящій крестъ и священныя царскія Мономаховы утвари въ Успенскій соборъ изъ Грановитой палаты; несли ихъ:

Животворящій крестъ и *бармы* — духовникъ Царскій, Благовѣщенскій протопопъ Никита.

Мономахову шапку—бояринъ Иларіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ.

Скипетръ—бояринъ Иванъ Өедоровичъ Стрѣшневъ.

Державу—казначей Камынинъ, а *блюдо* думный дьякъ Дементій Башмаковъ.

Мису съ золотыми деньгами, которыми осыпать Царя послѣ вѣнчанія, несли дьяки Мастерской палаты и разрядный дьякъ Өедоръ Шакловитый, извѣстный въ послѣдствіи по послѣднему Стрѣлецкому бунту.

За животворящимъ крестомъ и Царскими регаліями шелъ бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ; его же и Ивана Өедоровича Стрѣшнева съ духовникомъ Царскимъ протопопомъ Никитою патріархъ посылалъ изъ Успенскаго собора во дворецъ извѣщать Царя, что все готово къ вѣнчанію.

Предшествуемый духовникомъ, кропившимъ путь, Царь шелъ въ соборъ, сопровождаемый сонмомъ вельможъ; по обѣимъ сторонамъ Царя поодаль шли полковники, головы Стрѣлецкіе и многіе другіе чиновники. Народу было множество, православныхъ и иноземцевъ, служащихъ Царю. Великій, торжественный звонъ на Иванѣ Великомъ сопровождалъ шествіе Царя.

Царскую одежду принесъ въ соборъ стряпчій Алексѣй Тимофѣевичъ Лихачевъ, и сдавъ ее дьякамъ Государевымъ, принялъ прежнюю.

На чертожномъ мѣстѣ въ соборѣ стояли вмѣстѣ съ Государемъ бояре: князь И. И. Одоевскій, князь

Ю. А. Долгорукій и Б. М. Хитрово, а поддерживали Царя дядьки его, бояре князь Куракинъ и Хитрово.

По окончаніи вѣнчанія, совершеннаго патріархомъ Киръ-Іоакимомъ, съ пятью митрополитами, пятью архіереями и многими архимандритами, нововѣнчанный Царь шествовалъ во всемъ Царскомъ облаченіи съ скипетромъ и державою въ рукахъ въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій. Золотыми деньгами осыпалъ его при выходѣ изъ соборовъ Касимовскій Царевичъ, а мису съ ними держалъ стряпчій Алексѣй Тимофѣевичъ Лихачевъ. Предъ Царемъ шли въ дорогихъ нарядахъ окольничіе, думные, ближніе люди, стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, дьяки изъ приказовъ и гости, т. е. купцы, а сопровождалъ Царя сонмъ вельможъ.

Изъ Благовѣщенскаго собора Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ возвратился въ свои Царскія палаты. Тамъ онъ переодѣлся въ столовое платье, и когда наступило время обѣда, послалъ къ патріарху въ его крестовую палату звать его съ духовными властями къ своему Царскому столу и встрѣтилъ патріарха у дверей Грановитой палаты. Царь кушалъ въ Грановитой палатѣ за особеннымъ столомъ вдвоемъ съ патріархомъ, власти обѣдали въ ней же за лѣвымъ столомъ, а бояре за правымъ.

При вѣнчаніи Царя Ѳеодора бояре и окольничіе были, по его приказанію, *безъ мѣстъ*.

Въ этотъ радостный день вѣнчанія своего на царство Царь Ѳеодоръ наградилъ многихъ чинами.

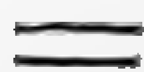
Во время коронаціи Ѳеодоровой въ Москвѣ находился Голландскій посланникъ Фонъ-Кланкъ, пріѣзжавшій по дѣламъ своего государства, и были также въ Москвѣ многіе чиновные иностранцы изъ разныхъ другихъ государствъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ послѣдній изъ Россійскихъ Государей короновался Мономаховыми регаліями, потому что по смерти его послѣдовало въ одно время коронованіе двухъ Царей и поэтому сдѣланы были другія Царскія регаліи. Съ той поры коронованіе Мономаховыми регаліями отмѣнено; однако же въ день коронаціи или въ другія важныя торжества всѣ регаліи эти выносятся чиновниками на подушкахъ, нарочно для того сдѣланныхъ. Но присланная съ этими регаліями Владиміру Мономаху *Крабьица,* или яшмовый сосудъ съ такою же крышкою употребляется и по нынѣ во время коронованія при мvропомазаніи нашихъ Государей. Крабьица находится въ Успенскомъ соборѣ, а регаліи Мономаховы хранятся въ Московской оружейной палатѣ (11).

X.

КОРОНОВАНІЕ ЦАРЕЙ

ІОАННА и ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

По случаю бездѣтной кончины Царя Θеодора Алексѣевича, наслѣдниками престола Царства Русскаго остались два брата Θеодоровы: пятнадцатилѣтній Царевичъ Іоаннъ, рожденный отъ родной матери Θеодоровой, и десятилѣтній Царевичъ Петръ, рожденный отъ мачихи Θеодора. Въ самый день кончины Θеодоровой, 27-го апрѣля 1682 года, былъ избранъ въ Цари Русскіе, за слабостію здоровья Іоанна, по собственному отреченію его отъ престола, Царевичъ Петръ, подъ опекою матери своей. Но сестра его, рожденная отъ одной матери съ Іоанномъ, властолюбивая Софія, произвела чрезъ Стрѣльцовъ переворотъ, 15-го мая того же года, и чрезъ три дня, т. е. 18-го мая, возвела на престолъ и Царевича Іоанна. О совокупномъ вступленіи на престолъ Іоанна

и Петра и о порученіи Софіи управлять государствомъ обнародованъ актъ 26-го мая того года.

Приступая къ управленію Царствомъ, Софія поспѣшила вѣнчать на единое царство двухъ Царей, чему ни бывало у насъ никогда примѣровъ.

Такъ какъ древнія Мономаховы Царскія утвари: крестъ, бармы, Царскій вѣнецъ, скипетръ и держава, были только одни и нельзя было въ одно время вѣнчаться двумъ Царямъ, то Софія приказала сдѣлать для Коронаціи Іоанна и Петра новые, одинаковые: кресты, короны, бармы, скипетры и державы.

Софія повелѣла быть коронованію братьевъ своихъ, Царей Іоанна и Петра, 25-го Іюня 1682 года.

Ввечеру, наканунѣ коронаціи, совершалась во всѣхъ церквахъ Московскихъ (въ Успенскомъ соборѣ самимъ патріархомъ) обычная, при такихъ случаяхъ, Божественная служба.

Въ соборѣ, противъ самаго алтаря, устроено было, подъ балдахиномъ, высокое чертожное мѣсто, на которомъ, по правую руку, поставлены были, для будущихъ владыкъ Россіи, два кресла, обитыя бархатомъ и украшенныя золотомъ и драгоцѣнными каменьями; а по лѣвую сторону, кресло поменьше, для патріарха. Двѣнадцать ступеней и все чертожное мѣсто покрывались краснымъ сукномъ, а отъ ступеней до Царскихъ вратъ постланъ былъ желтый бархатъ для шествія Царей, а для патріарха лазоревой. По обѣимъ сторонамъ стояли, покрытыя золотыми

Персидскими коврами, двѣ скамьи для знатнѣйшаго духовенства.

Сопровождаемый священнымъ пѣніемъ и колокольнымъ звономъ, патріархъ вошелъ въ Успенскій соборъ.

Въ пятомъ часу дня, оба Царевича (въ парчевыхъ одеждахъ и шапкахъ), вступили въ Грановитую палату, отослали къ патріарху утвари, которыя несли бояре, на золотыхъ блюдахъ, подъ пеленами, унизанными самоцвѣтными каменьями. Патріархъ положилъ утвари на шести, поставленныхъ на амвонѣ, чалояхъ, унизанныхъ жемчугомъ, и послѣ молебна послалъ князя Голицына съ другими боярами—звать Царей во храмъ. Государи, съ краснаго крыльца, пошли къ собору, по пути, который протопопъ, съ крестомъ въ рукѣ, окроплялъ передъ ними святою водою. За ними слѣдовали бояре, думные дворяне, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди, а по сторонамъ шли, одаль, солдатскіе и стрѣлецкіе полковники. По правую и по лѣвую руку, отъ крыльца до самаго собора, стояли ряды стрѣльцовъ.

По прибытіи во храмъ Царей, начали имъ пѣть многолѣтіе. Они приложились къ иконамъ, Спасовой ризѣ и мощамъ, и патріархъ благословилъ ихъ. Потомъ Государи и патріархъ сѣли на мѣста свои. Глубокая тишина воцарилась во храмѣ. Государи, вставъ вмѣстѣ съ патріархомъ, сказали ему, что они желаютъ быть вѣнчаны на царство по примѣру предковъ ихъ и по преданію Святой Восточной Церкви. Пат-

ріархъ спросилъ; «какъ вѣруете и исповѣдуете Отца и Сына и Святаго Духа?» — Государи сказали въ отвѣтъ Символъ Вѣры. — Послѣ того патріархъ началъ рѣчь. Послѣ рѣчи, Царей облекали въ царскія одежды. Съ налоевъ, стоявшихъ на амвонѣ, принесли два животворящіе креста патріарху. Онъ благословилъ ими Государей. Потомъ подали ему на золотыхъ блюдахъ бармы и царскіе вѣнцы. Онъ возложилъ ихъ на Царей, вручилъ имъ скипетры и державы, и посадилъ ихъ на царскомъ мѣстѣ. Запѣли имъ многолѣтіе. Патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы и все духовенство встали съ мѣстъ своихъ, поклонились и поздравили Государей. Затѣмъ поздравили ихъ бояре и всѣ бывшіе въ церкви; а патріархъ сказалъ имъ слѣдующее поученіе:

«Имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ и сохраните вѣру нашу истинную чисту, непоколебиму; любите правду и милость и судъ правый; будьте ко всѣмъ приступны и милостивы и привѣтны. От Бога дана вамъ бысть Держава, и сила отъ Вышняго, васъ бо Господь Богъ въ Себе мѣсто избра на земли, и на престолъ посади; милость и животъ положи у васъ. Едина добродѣтель отъ стяжанія безсмертная суть. Языка льстива и слуха суетна не пріемлите Цари, ниже оболгателя слушайте, ни злымъ человѣкомъ вѣры емлите, но разсуждайте все по Бозѣ въ правду. Подобаетъ мудрымъ послѣдовати, на нихъ же воистину, яко на Престолѣ, Богъ почиваетъ. Не тако красная міра вся, яко же добродѣтель краситъ Царей. Имате

и сами Царя, Иже есть на небесѣхъ. Аще бо Онъ всѣми печется, сице потребно есть и вамъ Царемъ ничтожь презирати, и аще хощете милостива къ себѣ имѣти Небеснаго Царя, милостивы будите и вы ко всѣмъ, да и здѣ добрѣ и благо поживете и наслѣдники будете Небеснаго Царствія. И тогда пріимите неувядаемыя славы вѣнцы, и противъ своихъ Царскихъ подвиговъ и трудовъ пріимите отъ Бога мзду сторицею.»

Когда патріархъ Іоакимъ окончилъ рѣчь, то началась литургія, въ продолженіе коей Цари стояли на древнемъ царскомъ мѣстѣ, находившемся въ правой сторонѣ собора. Отъ сего мѣста къ Царскимъ вратамъ послали алый бархатный коверъ, шитый золотомъ. Цари приблизились къ вратамъ; патріархъ вышелъ изъ алтаря. Митрополитъ принесъ на золотомъ блюдѣ, въ хрустальномъ дорогомъ сосудѣ, святое муро. Цари, приложась къ Спасову образу, написанному Греческимъ Царемъ Эмануиломъ, къ иконѣ Владимірской Божіей Матери, написанной Св. Евангелистомъ Лукою, и къ иконѣ Успенія Богородицы, остановились предъ царскими вратами, сняли вѣнцы, и отдали ихъ боярамъ, смѣстѣ со скипетрами и державами. Помазавъ Царей муромъ, патріархъ велѣлъ двумъ ризничимъ и двумъ діаконамъ ввести ихъ въ алтарь чрезъ Царскія врата, и подалъ имъ съ дискоса часть животворящаго тѣла и потиръ съ кровію Христовою. Государи, причастившись, вышли изъ алтаря. Потомъ патріархъ подалъ имъ часть антидора, и по

принятіи онаго, Цари надѣли вѣнцы, взяли скипетры и стали на своемъ мѣстѣ. По окончаніи литургіи, всѣ поздравляли Царей съ помазаніемъ мvромъ и съ причастіемъ Святыхъ Таинъ, а они пригласили патріарха, весь соборъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, также бояръ, окольничихъ и духовныхъ дворянъ къ своему царскому столу. Когда цари, въ вѣнцахъ и бармахъ, вышли изъ собора, Сибирскіе Царевичи Григорій и Василій Алексѣевичи осыпали ихъ золотыми монетами. Народъ, въ безчисленномъ множествѣ собравшійся на площади, привѣтствовалъ Государей продолжительными радостными восклицаніями. Государи, по постланому красному сукну, пошли къ церкви Архангела Михаила, цѣловали тамъ святыя иконы, мощи Св. Царевича Димитрія, гробницы дѣда ихъ Государей, родителя и брата, и прочія гробницы. Когда они вышли изъ церкви на паперть, Сибирскіе Царевичи снова осыпали ихъ золотомъ. Потомъ, приложась къ иконамъ въ церкви Благовѣщенія Пречистыя Богородицы, они были еще осыпаны золотомъ трижды, по выходѣ изъ храма, тѣми же Царевичами. Потомъ, чрезъ постельное крыльцо, они возвратились въ свои Царскіе чертоги.

Въ день коронованія Царей повышены въ своихъ званіяхъ многіе значительные люди: въ числѣ ихъ возведенъ на степень боярина, прославившійся послѣ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

13-го іюля того года нововѣнчанные Цари Іоаннъ и Петръ ѣздили послѣ коронаціи своей въ Троицко-Сергіевскій монастырь помолиться Преподобному Сергію (12).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Истор. Госуд. Россійск. Т. II, и VI, и Москва или Исторический Путеводитель, Часть II.

(2) Димитрій былъ единственный сынъ Іоанна, старшаго сына Великаго Князя Іоанна III, отъ перваго брака его съ Княжною Тверскою. Іоаннъ скончался еще при жизни отца, оставивъ жену и малолѣтнаго сына Димитрія. Въ слѣдствіе происковъ второй супруги Іоанна III, Греческой Царевны Софіи и рожденнаго отъ нее сына его Василія, внукъ Димитрій былъ отстраненъ отъ слѣдовавшаго ему Престолонаслѣдія, и наслѣдникомъ Престола былъ Василій. Въ послѣдніе же годы жизни своей Іоаннъ III, разсердясь на Софію и Василія, объявилъ Димитрія своимъ наслѣдникомъ и короновалъ; однако же Софія и Василій умѣли вскорѣ привлечь къ себѣ снова любовь Іоанна III.

(3) Истор. Госуд. Россійск. Т. VI.

(4) Истор. Госуд. Россійск. Т. VIII.

(5) Истор. Госуд. Россійск. Т. X.

(6) Истор. Госуд. Россійск. Т. XI.

(7) Истор. Госуд. Россійск. Т. XI и XII, и Акты Археологической Коммиссіи, гдѣ напечатана рѣчь найденная въ Архивѣ П. М. Строевымъ.

(8) Т. е. несчитаться родовыми старшинствами своими, извѣстными подъ имянемъ *мѣстничества.*

(9) Статья Н. А. Полеваго: Вступленіе на Престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича, напечатанная въ Библіотекѣ для чтенія, 1834 г. Т. 4.

(10) Древн. Россійск. Вивліоѳика Т. VII и Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, сочин. Берга.

(11) Древ. Россійск. Вивліоѳ. Т. VIII; Царствованіе Царя Ѳеодора Алексѣевича; Москва, или Истор. Путивод. Т. II.

12) Истор. Петра Великаго, сочин. Бергмана; Дѣянія Петра Великаго, сочин. Голикова; Сочиненіе Масальскаго и Древняя Россійск. Вивліоѳ. Т. VII.